Содержание

Введение 9

Глава 1
СИМВОЛЫ В ПОЛИТИКЕ И ПРАВЕ 11
Введение 11
Важность символов 12
Важность символа «либеральный» 19
Пример использования символа «либеральный» 23

Глава 2
БРИТАНСКАЯ АНАЛОГИЯ 31
Возникновение либерализма в Англии 31
Элементы английского либерализма
и семена изменения 36
Семена нового либерализма:
рост, созревание и увядание 41
Уроки английской истории 48

Глава 3
СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ: ПРЕДПОСЫЛКИ ДО 1932 г. 51
Либерализм в США в 1776—1870 гг. 51
Либеральные республиканцы, 1870—1872 гг. 52
Прогрессизм и журнал «Нью рипаблик» 59
Либерализм в США, 1919—1939 гг. 63

Глава 4
ВЕЛИКИЙ СПОР: 1932—1940 гг. 77
Противники: Гувер и Рузвельт 77
Рузвельту нужен символ 80
Символы, не подходящие для программы Рузвельта 84
Рузвельт выбирает символ 86
В преддверии дебатов: 1932—1933 гг. 89
Первый раунд дебатов: выборы 1934 года 91
Второй раунд: 1935—1936 гг. 98
Третий раунд: план «утрамбовки» Верховного суда 105
Чистка 1938 года 110
Конец публичного спора: 1939—1940 гг. 115

Глава 5
РУЗВЕЛЬТ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИБЕРАЛЬНАЯ ПАРТИЯ 117

Глава 6
ЭПИЛОГ ВЕЛИКОГО СПОРА 123

Либеральный символ после эпохи Рузвельта 123
Рост популярности слова-символа «консервативный» . . . 127
Уроки истории 133

ПОСЛЕСЛОВИЕ: ФОРМЫ ПРАВОВОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА 137

Нормативный и инструментальный аспекты проблемы . . . 137
Современный инструменталист 147
Инструментализм и исследование политико-правовых терминов 149
Заключительные замечания 152

Примечания и комментарии 153
Глоссарий имен 187
Указатель 201

Об авторе

Рональд Ротунда — известный американский правовед, специалист по конституционному праву. С 2008 г. занимает должность заслуженного профессора правоведения им. Доя и Ди Хенли в Школе права им. Дейла Фаулера Чепменского университета (г. Ориндж, шт. Калифорния). До этого Р. Ротунда преподавал в Школе права Университета Джорджа Мейсона и в Университете Иллинойса. Является соавтором самого популярного в американских университетах учебника по юридической этике «Problems and Materials on Professional Responsibility» (Foundation Press, 11th ed., 2011) и автором основного учебника по конституционному праву «Modern Constitutional Law» (West Publishing Co., 10th ed., 2012). Его перу принадлежат еще несколько книг и более 350 статей в научных журналах и общественно-политической прессе. Работы Р. Ротунды переведены на немецкий, французский, румынский, русский, чешский, корейский и японский языки. В 2009—2013 гг. входил в состав калифорнийской Комиссии по добросовестным политическим практикам — внепартийной независимой организации, осуществляющей надзор за соблюдением норм закона штата о политической реформе, который регулирует порядок финансирования предвыборных кампаний, лоббистскую деятельность, вопросы конфликта интересов, а также этические нормы поведения государственных служащих.

Биллу ***ФРЕЙФОГЕЛЮ,***
моему адвокату, если мне
когда-либо понадобится таковой

«Захватить» такое слово, как *демократия*, — т.е. слово, которому свойственна эмоциональная привлекательность, — значит, по существу, обеспечить себе мощную позицию силы. А «сдаться» слову, вызывающему негативные ассоциации, — принять, например, термин *идеология* в качестве подходящего ярлыка для всего, что касается политики, — значит само по себе начинать с заведомо невыгодного положения.

Джованни Сартори
Теория демократии

Обычный человек, неважно, простак или ученый, знает о тяготеющих над ним силах лингвистики не больше, чем дикарь — о силах гравитации.

Бенджамин Уорф
Язык, мысль и реальность

Введение

После блестящей победы президента Рейгана, избиравшегося на второй срок, я оказался вовлечен в оживленную переписку с неким телезрителем из-за того, что без всяких возражений позволил одному из участников моей программы называть президента «хромой уткой». Автор письма требовал, чтобы я извинился за непозволительный выпад против популярного президента. Мое объяснение, что «хромая утка» — это вовсе не обидное прозвище, а определение политика, занимающего пост, на который он не может быть переизбран, подвигло телезрителя на еще одно гневное письмо. В нем приводилось взятое из словаря Вебстера определение «хромой утки» как выборного должностного лица, продолжающего служить в оставшийся срок его полномочий после того, как он уже потерпел поражение на очередных выборах. Меня выручил «Политический словарь» Уильяма Сафира, справочник «нового языка политики», в котором дано наиболее распространенное определение «хромой утки» как «чиновника, чья власть уменьшилась, поскольку вскоре он должен покинуть пост в результате поражения или *законного окончания срока его полномочий*» (курсив мой. — *Р. Р.*). *xi**

Вот вам пример того, как меняется употребление слов и как — если речь идет о политике — это может порождать великие страсти. В политике слова поистине подобны знаменам войн и революций — они должны развеваться, подвергаться обстрелу и иногда захватываться. В политической борьбе вóйны за слова не случайны, они занимают в ней центральное место — особенно в нашу эпоху, когда они многократно усиливаются посредством такого СМИ, как телевидение.

В свое время демократы присвоили себе слово «справедливый» (например, в выражении «справедливая

* На полях под чертой указано начало страницы по английскому оригиналу. См. Указатель.

сделка»[1]). Точно так же республиканцы завладели словом «свободный» (например, в выражении «свободное предпринимательство»). За слово «новый» ведется борьба: во времена ФДР демократы выработали Новый курс, а республиканцы контратаковали, выдвинув лозунг «нового федерализма»[2], или — в более близкие к нам времена — «новых возможностей».

Ни одно слово не реяло как знамя более горделиво, не обсуждалось более горячо и в конечном счете не громилось более решительно, чем слово «либеральный». Его первоначальная связь с простым словом «свободный» (латинское liber) затерялась в античности, поскольку в процессе путешествия — во времени и через океан — из Европы оно оказалось обремененo меняющимся символизмом. Как и следовало ожидать, на протяжении многих поколений, пока на политической сцене господствовали либералы, слово «либерал» имело коннотацию «хороший парень»[3]. Когда, наконец, из небытия возникли консерваторы и взяли приступом бастионы правительства, они быстро придали этому слову коннотацию «плохой парень»[4]. (Судя по почте, которую я получаю, называть средства информации «либеральными» стало обвинением, не нуждающимся ни в каких дополнительных обвинительных актах.)

Небезынтересно вспомнить, что либерализм сыграл в истории существенную роль. Никакое другое слово — не считая более общих понятий, таких как «права», «свобода» и «справедливость», — не играло более важной роли в американском политическом движении. Рассказывая о том, что́ произошло со словом, Рональд Ротунда проливает свет на то, что́ произошло с Америкой. Это сделано с тщательностью, достойной учености историка. Может быть, однажды либерализм вернется, но сегодня эта книга служит ему эпитафией.

Дэниел Шорр

Глава 1
СИМВОЛЫ В ПОЛИТИКЕ И ПРАВЕ

Введение

Древние осознавали важность слов. В Книге Бытия говорится, что Бог, после того как «образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных», перво-наперво привел их к Адаму, «чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей. И нарек человек имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым»[1]. Давать вещам имена — важное занятие. Эта книга — о наименовании вещей, о символах и ярлыках, о важности слов, о силе их воздействия и о том, почему люди борются за слова. В частности, это исследование особенного слова — «либеральный». 3

В современной американской политической и правовой истории либеральный ярлык оказался очень важным символом. И на протяжении большей части ее настоящего периода[2], когда мы говорим о либеральных судьях, об американской либеральной традиции, о либеральных политиках, это прилагательное имеет положительную окраску. Как известно, не далее как в 1950-е годы покойный сенатор Роберт Тафт утверждал, что в действительности он является либералом: ярлыку консерватизма Тафт предпочел слово, которое тогда имело более привлекательные коннотации.

Похоже, что в 1980-х либерализм пребывает в замешательстве, и многие политики, прежде прикрывавшиеся ярлыком «либерализма», сегодня хотят его отбросить. На президентских выборах 1964 года, когда республиканская партия выставила Барри Голдуотера — очевидно консервативного кандидата, — ему противостоял действующий президент Линдон Джонсон, выступавший как либеральный кандидат. Тогда Джонсон и его «Великое

общество» одержали оглушительную победу. Но всего два десятилетия спустя, на своих повторных выборах, не смущающийся собственного консерватизма Рональд Рейган
4 одержал столь же оглушительную победу над кандидатом от либералов Уолтером Мондейлом.

За 20 лет изменилось многое. Фактически, изменилось больше, чем люди себе представляют, поскольку в большинстве своем не помнят, что в американской политике «либерализм» — относительно новый термин. Британские либералы давно остались в прошлом, но когда в начале этого века[3] Либеральная партия доминировала на политической арене Великобритании, американских политиков, которые называли бы себя либеральными, не существовало. До тех пор, пока благодаря Франклину Рузвельту, победившему Герберта Гувера, либеральный ярлык не сделался важным словом в американском лексиконе; в то время оба, и Гувер и Рузвельт, объявляли себя истинными либералами, и борьба за это слово во многом определила содержание интеллектуального спора вокруг Нового курса. Оба политика старались завладеть им, чувствуя, насколько выигрышными являются связанные с ним положительные коннотации. Победил Ф. Д. Рузвельт, и с тех пор определение «либеральный» стало употребляться для характеристики представителей таких разных групп, как политики, судьи и богословы определенного толка.

Увлекательный рассказ о взлете и падении либерального ярлыка — это не только исследование, относящееся к интеллектуальной истории; это также рассказ о важности использования любых символов — о том, как они отражают и формируют наш образ мыслей и действий. Это также рассказ о границах могущества и употребления символов.

Важность символов

При изучении политики и права фундаментальное значение имеют «символы правления»[4]. Может быть, потому,

что 1984 год миновал благополучно, мы часто игнорируем значение новояза Джорджа Оруэлла[5]. Но правительства разбираются в этом лучше. В крупных государствах античности — например, в империи Александра Македонского, в монархии Селевкидов и в Римской империи — лояльность подданных обеспечивалась политическими, правовыми и религиозными символами. Шелдон Уолин заметил, что «использование символизма было особенно важно, потому что показывало, как ценны могут быть символы в “наведении мостов” через огромные расстояния. Символы служат тому, чтобы вызывать ощущение присутствия власти, несмотря на удаленность физической реальности»[6]. В Средние века, чтобы подтвердить законность своего правления, правители также обращались к символам, иногда древним[7].

Символы используются для обеспечения политической лояльности и в современных государствах. Профессор Мюррей Эдельман проницательно заметил, что «в значительной мере самые видные институты демократии выполняют символическую и экспрессивную функцию»[8]. Английский историк Уолтер Беджхот показал, насколько важны были для Британии символы монархии и конституции. Член Верховного суда США Франкфуртер признавал, что государство должно использовать символы, чтобы внушать необходимые чувства к органам власти, потому что «символизм неизбежен. Даже самые тонкие умы живут символами»[9].

Символ может иметь огромное значение для индивида. Этот символ становится для него более значимым в случае, когда имеет особое значение для большого числа людей. Хотя некоторые недооценивают спор просто о словах, следует понимать, что слова редко являются безобидными, ибо они — наша главная форма общения. В оттенках значений часто скрываются ключевые понятия. В конце 1960-х годов разногласия по поводу выражения «власть черных»[10] были во многом спором об определении. Например, на одном из слушаний в подкомиссии

Сената сенатор Эйбрахам Рибикофф предостерегал главу КРР[11] и защитника «власти черных» Флойда Маккиссика: «Вы делаете нашу задачу очень трудной, выставляя перед нами такой лозунг». Маккиссик ответил, что лозунг изменен не будет. Тогда сенатор Роберт Кеннеди заметил, что «если люди не могут соответствовать вашему определению, вы исключаете их из движения». Маккиссик возразил, что он никого не исключает из движения и надеется, что «власть черных» будет воспринята точно так же, как была воспринята «власть ирландцев». Два маленьких слова, но на некоторое время они оказались способны расколоть движение за гражданские права, в одних кругах привлекая все больше сторонников, в других — создавая новых врагов из бывших друзей!

Символы также позволяют политическим лидерам создавать *видимость* деятельности. Им весьма на руку, особенно в нашем демократическом обществе, то, что они могут хотя бы создавать впечатление, будто действуют. Людям нравится думать, что для решения их проблем что-то предпринимается; а для достижения популярности в короткий срок нет большой разницы, делается или нет что-то на самом деле. Значительная часть истории антимонопольного законодательства дает прекрасный пример способности символов замещать реальность.

6 В 1890 г. под давлением общественного мнения Конгресс принял половинчатый закон, направленный против монополий. По словам автора этого закона[12], Шермана (который тогда был сенатором), цель состояла в том, чтобы внести «некий билль под названием “Билль о наказании трестов” и идти с ним на выборы»[13]. Позже, в 1914 г., Конгресс принял антитрестовский закон Клейтона[14], который Сэмюэл Гомперс приветствовал как «Великую хартию вольностей для рабочих»[15], поскольку полагал, что билль Клейтона выводит профсоюзы из-под действия антитрестовских законов. В действительности закон Клейтона на протяжении большей части своей истории использовался скорее против труда, чем против капитала[16].

Термонд Арнольд в «Фольклоре капитализма» очень точно подметил, что символические законы против трестов убедили среднего гражданина, что дело сделано. Неважно, что в первые 40 лет XX в. законы были беззубыми, что средства контроля, которые существовали, часто не использовались и что суды всякий раз, когда это было возможно, толковали законы в пользу трестов. Обычные люди не были равнодушны к проблеме: они искренне думали, что эта проблема уже решена[17].

Еще одна причина, по которой символы правления важны, состоит в том, что они отражают идеи людей, их восприятие мира и иногда их сокровенные мысли. Например, уроженец о-ва Барбадос, учитель средней школы из Бруклина Кит Бэрд выразил свое понимание борьбы за гражданские права посредством собственного использования символа. Когда в 1966 г. на национальном совещании Американской федерации учителей Бэрд предложил резолюцию, в которой настаивал на проведении кампании по замене термина «негр» на «афро-американец», он ясно показал свое понимание движения за гражданские права: он доказывал, что «уже давно пора повысить статус негров, называя их — через дефис — американцами, подобно итало-американцам и другим группам меньшинств». Слово «негр», с его точки зрения, исторически употреблялось «только чтобы описать порабощенного и позволяющего себя порабощать»[18].

Исторически слову «негр» не было присуще ничего неприятного. Оно не имело уничижительных коннотаций. Точно так же никто не считает, что называться американцем с указанием страны происхождения предков — значит обладать высоким статусом. Более того, если бы в течение двухсот лет негров называли афроамериканцами, сегодня Бэрд мог бы с таким же успехом настаивать, чтобы это слово заменили словом «негр». Как бы то ни было, резолюция Бэрда была выражением его позиции по вопросу гражданских прав, его глубокой озабоченности всеми проявлениями расизма и нетерпимости. А сегодня, по на-

стоянию современных лидеров движения за гражданские права, «негр» обычно заменяется термином «черный».

7 Джордж Кеннан, пытаясь понять восприятие мира жителями азиатских стран, исходил из анализа их политических символов. Сделанный им вывод, согласно которому жители Азии боятся коммунизма меньше, чем нам бы того хотелось, основан на двух аргументах. Во-первых, говорит Кеннан, «влияние таких семантических символов, как [коммунизм, империализм и колониализм], в Азии является совершенно другим, нежели в Европе». Империализма и колониализма, против которых они боролись лет двести, азиаты боятся больше, чем коммунизма. Во-вторых, жители Азии не осознают потери «свободы» при коммунизме. Во многих азиатских и африканских странах свободы, как понимаем ее мы, сегодня не существует. «В китайском языке есть только одно слово, отдаленно напоминающее наше слово “свобода”, и оно выражает ощущение вольности или скорее мятежное неподчинение порядку»[19].

Неудивительно, что Лассвел писал: «Очевидно, что изменение широты и частоты проявления ключевых знаков есть весьма показательный признак глубоких социальных процессов. Распространение вековых или священных культов можно проследить, изучая тенденции в географическом распространении икон и других важных знаков, существующих в едином комплексе. Подобным же образом, исходя из частотности знаков, можно установить вероятные интеграционные или дезинтеграционные тенденции внутри любого общества»[20].

Притом что символы важны потому, что люди инстинктивно верят в их важность; потому, что символы могут заменять политическую деятельность; и потому, что отражают сокровенные мысли и идеи, они также важны и потому, что определяют самый образ мысли людей. Символы не только отражают; они формируют.

Судебным адвокатам издавна известно, что то, как человек задает вопрос, может предопределить, какой будет

получен ответ[21]. Соответствующие слова и символы могут предопределить не только ответ на вопрос, но и образ мысли человека и возможность определенным образом задавать свои вопросы. Например, на II съезде РСДРП, состоявшемся в июле—августе 1903 г., В. И. Ленин получил возможность утвердить новое название для своей фракции. Часть делегатов, неудовлетворенная ходом съезда, покинула его, оставив Ленина с незначительным большинством. Название, которое утвердил тогда Ленин, было «большинство», или «большевики»: «Хотя только вчера... он был в меньшинстве, и в будущем мог бы чаще находиться в меньшинстве, чем в большинстве, он бы никогда не упустил *психологического преимущества этого названия*. Он понимал, что название — это программа, самая суть, более мощная в своем воздействии на неискушенный ум, чем любой пропагандистский лозунг. Какую гордость могло внушить фракции ее собственное имя! Насколько бы она ни уменьшилась, ее члены всегда могли называть себя “большевиками”. Какую убежденность, какую видимость законности и поддержки демократического большинства это могло дать при обращении к рядовым членам партии и к беспартийным массам! Если бы Ленин остался в меньшинстве, он, возможно, выбрал бы какое-нибудь другое звонкое название — вроде “истинные искровцы”, или “ортодоксальные марксисты”, или “революционное крыло русской социал-демократии”. Но то, что его оппоненты неизменно соглашались с обозначением их группы как “меньшевиков”, свидетельствует об их некомпетентности» (курсив мой. — *Р. Р.*)[22].

В России, как и в США, важно уметь «запрыгнуть в первый вагон», или «попасть в струю». Завладев ярлыком «большевики», Ленин определил восприятие аудитории: теперь о ленинской фракции думали как о фракции, поддерживаемой большинством.

Неслучайно во время войны во Вьетнаме[23] администрация США называла бомбардировки Северного Вьетнама рейдами «защитного возмездия». Такой глагол, как

«защищать», имеет более благоприятные коннотации, чем более грубый «бомбить». Ввод войск США в Лаос[24] был «вступлением» — слово, звучащее гораздо более сдержанно, чем традиционное понятие «вторжение». Отступление стало «мобильным маневром», и подразумеваемое значение поражения, таким образом, отчасти потерялось. Поскольку термин «военные советники» начал приобретать негативные коннотации, имиджмейкеры поменяли этот ярлык на «команду доставки наблюдателей»[25]. Убить вражеского шпиона стало звучать более аккуратно — «ликвидировать с исключительным ограничением»[26]. А дефолиация[27] была названа более нейтрально — «программой контроля ресурсов»[28]. В 1968 г. журнал «Ами дайджест», цитируя начальника Военно-судебного управления, утверждал, что противостояние во Вьетнаме представляет собой «международный вооруженный конфликт», а не войну[29].

9 Не так недавно противники дискриминации по признаку пола признали, что для того, чтобы изменить отношение людей к женщинам и роли женщин в обществе, необходимо изменить используемые слова: председатель комитета (chairman) — это «председательствующее лицо» (chairperson), секретарь больше не «девушка». На первых порах изменение слов может быть только симптомом нового отношения к дискриминации по признаку пола. Но цель этой словесной игры — повлиять на будущее отношение к гендерным стереотипам.

Современные лингвистические исследования поддерживают эту теорию: язык вообще и символы в частности формируют способ мышления людей. Люди думают и говорят, используя слова, и даже когда они думают без использования слов, используя лишь «идеи», язык все равно структурирует их мысли. Изучив языковые модели хопи (язык американских индейцев) и некоторых современных европейских языков (главным образом английского, французского и немецкого), Бенджамин Уорф пришел к выводу, что даже такие весьма абстрактные понятия,

как «материя» и «время», «не даны в субстанционально одинаковой форме посредством опыта всем людям, а зависят от природы языка или языков, через которые развились»[30]. Другой лингвист, Эдвард Сепир, по сути, приходит к такому же выводу: «Хотя те, кто изучает социальные науки, обычно считают, что язык не имеет существенного значения, он властно обусловливает все наши мысли о социальных проблемах и процессах»[31].

Важность символа «либеральный»

Все широко распространенные термины важны, однако в определенные моменты времени некоторые символы приобретают особую значимость. Значительную часть политической истории США можно рассматривать как конкурентную борьбу за обладание некоторыми словами. На заре нашей республики гамильтонианцы — те, кто выступал за сильное правительство, — называли себя федералистами, хотя в то время «федерация» означала то, что сегодня означает «конфедерация»[32]. «Истинные федералисты» оказались в тактически невыгодном положении: они были вынуждены вести полемику против федерализма, поскольку приняли ярлык «антифедералистов»[33].

Вскоре после 1800 г. ценность символа «федералист» упала. Отчасти это произошло потому, что исчез предмет для дискуссии: федеральная конституция была принята, и мало кто ратовал за ее отмену. Термин утратил ценность также и потому, что приобрел отрицательные коннотации: из-за жесткости федералистской партии термин «федералист» стал ассоциироваться с ее негибкостью. *10*

Затем полезным словом-символом стала «демократия», потому что следующим на повестке дня был вопрос о демократии. Например, в период «позолоченного века», наступившего после Гражданской войны <1861—1865>, некоторые политики указывали, что при истинной демократии основные экономические решения должно принимать правительство, а не большой бизнес, тогда

как сторонники принципа laissez faire[34] утверждали, что истинная демократия представлена в их экономических доктринах[35]. Поскольку сегодня в США практически все верят в демократию, и сторонники как республиканской, так и демократической партии считаются истинными демократами, в том, чтобы объявлять себя демократом, больше нет никакой политической выгоды.

Если в нашей стране демократия больше не является основанием для политического соперничества, то в остальном мире она не является всеобщим предметом веры. Там слова «демократия», а также «социализм», «коммунизм» и «либерализм» «суть ярлыки, к которым сводятся базисные термины политического спора XIX—XX вв.», — утверждает Джованни Сартори[36]. Однако в США обладание символом «демократия» не дает его владельцам больших преимуществ, поскольку здесь владельцем демократии является каждый. В США социализм и коммунизм являются уничижительными ярлыками и выпадают из американской традиции[37]. Единственный из современных символов мирового значения, который стал значимым и в нашей стране, — это «либеральный», или «либерализм».

Как показывает исследование, слово «либеральный» представляет собой важный пример, служащий для иллюстрации истории употребления политических слов-символов — того, как они возникают и исчезают, — потому что это особенно сильное слово. Хотя в нашей стране слово «либерализм» не имеет точного значения, люди часто старались ему это значение придать, всякий раз вкладывая в определение — или в «истинное определение»[38] — свое собственное понимание; по крайней мере до недавнего времени, когда гораздо более модным стало слово «консервативный»[39]. Что бы ни означало слово «либерализм», никто в Соединенных Штатах не хочет, чтобы его считали нелиберальным (illiberal). По утверждению Адама Улама, «на Западе каждый, кто не объявляет себя фашистом, претендует на то, что он либерал; типы этих

либералов и программы, защищаемые под именем «либерализма», колеблются здесь от крайнего консерватизма до коммунизма»[40]. Помимо множества других политиков, о своей принадлежности к либералам решительно заявляли Герберт Гувер, Франклин Рузвельт и Роберт Тафт[41]. Гувер и Тафт были настолько же уверены, что Новый курс не представлял собой либерализма, насколько Рузвельт был уверен в обратном. Хотя со временем более популярным стал термин «консервативный», а термин «либеральный» пришел к закату, новые консерваторы часто называют себя либертарианцами[42]. *11*

Признание силы этого политического символа становится очевидным и «из тех уточняющих прилагательных, которые обычно стараются использовать те, кто атакует “либералов”», — пишет Чарльз Фрэнкел[43]. Даже в 1958 г., когда президент Эйзенхауэр поддерживал весьма консервативного Уильяма Ноулэнда из Калифорнии, Айк[44] нападал на «*самозваных* либералов... [за их] непреодолимое влечение... к проматыванию денег — ваших денег» (курсив мой. — *Р. Р.*)[45]. Нападкам подвергаются только *самозваные* либералы, истинные же либералы, как предполагается, — замечательные люди. Один комментатор подробно описал это специфически американское обыкновение атаковать только «определенных» либералов: «Сенаторы от южных штатов, гордившиеся тем, что их считают консерваторами, обычно атакуют не “либералов”, а “северных либералов”. Иногда они добавляют, что сами они столь же либеральны в вопросах внешней политики или социального обеспечения, как и любой другой. Даже покойный сенатор Маккарти осторожно обращался с этим словом. В своих памятно выразительных высказываниях он обычно то и дело ронял выражение “дутые либералы”, тем самым как бы подразумевая, что, уж будьте уверены, все либералы — дутые. Но это же позволяло ему намекать, что он ничего не имеет против истинных либералов, если бы только он мог отыскать хоть одного такого»[46].

Конечно, тот факт, что в США слово «либеральный» — выгодный политический символ, не означает, что человек находится здесь в выигрышном положении, если его называют слишком либеральным. Например, будучи вице-президентом, Спиро Агню нападал на «радикальных либералов»[47]. Для большинства американцев экстремизм — порок, а не добродетель. Но сам по себе символ «либеральный» имеет, как считают многие политики, некоторую политическую привлекательность.

Если посмотреть на опросы общественного мнения середины 1960-х годов, когда либеральный ярлык был очень популярен, то можно увидеть, что политики учитывали привлекательность либерализма. Согласно одному из опросов, из 20 546 студентов, зарегистрированных в кампусе Университета штата Мичиган, 42% объявили, что они демократы или склонны причислять себя к таковым, а 51% сказали, что являются республиканцами или к этому склоняются. Но, несмотря на то что этот университет — являющийся, по общему мнению, типичным крупным университетом Среднего Запада — был в большей степени республиканским, чем демократическим, 53% студентов объявили себя весьма или умеренно либеральными[48]. Кандидаты, подчеркивавшие свою либеральность, могли набрать здесь больше голосов, чем те, кто старался привлечь только избирателей — сторонников Демократической партии.

12

Более ранние опросы также демонстрировали привлекательность либерального символа. Проведя положенные процедуры по отбору мест проведения опроса, проинтервьюировав 3068 респондентов в Калифорнии, Иллинойсе и Нью-Мексико, отобрав для рассмотрения данные голосований только за 1944, 1946 и 1948 годы и исходя из того, как — либералами или консерваторами — квалифицируют себя сами избиратели, исследователи заключили: «[Сама дилемма] “либерализм—консерватизм” объясняет, по крайней мере отчасти, и отказ респондентов от голосования, и их неудовлетворенность предпо-

читаемой ими партией. Таким образом, исходя из наших данных, можно сделать вывод, что либеральный республиканец и консервативный демократ чувствовали себя в своих партиях неуютно, в отличие от консервативных республиканцев и либеральных демократов, и выражали свое недовольство меньшей явкой на выборы и тем, что реже голосовали за своих партийных кандидатов»[49].

Приведенные выше данные двух ранних опросов, помимо привлекательности либерального символа, указывают и на другой важный момент: несмотря на то что либералами провозглашали себя многие политики разных убеждений, обычные люди, по крайней мере начиная с 1944 г., как правило, сходились в мнении о том, кто является либеральным политиком. Так, когда в ходе опроса, проводившегося в 1962 г. в Университете штата Мичиган, студентов спросили, кто из политиков является либералом, а кто консерватором, 64% из них выбрали Барри Голдуотера в качестве известного консерватора и 62%, недолго думая, сказали, что Джон Кеннеди — известный либерал[50]. Второе исследование, базировавшееся на данных о результатах выборов конца 1940-х годов, показало, что, как правило, те, кто считал себя консерваторами, — неважно, были они демократами или республиканцами, — полагали, что их партией скорее является партия Республиканская, чем Демократическая, а те, кто считал себя либералами, чувствовали, что им скорее ближе Демократическая партия. Эти сведения особенно важны, если вспомнить, что символ «либеральный» часто был призван служить противовесом очень важному фактору партийной принадлежности. *13*

Пример использования символа «либеральный»

Тот факт, что сегодня большинство людей согласны с тем, что Герберт Гувер не был либералом, не объясняет, почему сам он до самой смерти искренне называл себя либералом.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине «Электронный универс»
(e-Univers.ru)